

Д. И. Наумов

Белорусская государственная академия связи, Минск

D. Naumov

Belarusian State Academy of Communications, Minsk

УДК 101.1 (091)

СОЦИАЛЬНАЯ АМНЕЗИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛА КОННЕРТОНА

SOCIAL AMNESIA AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL RESEARCH BY PAUL CONNERTON

В статье рассматривается концепция социальной памяти, разработанная современным английским социальным антропологом и философом Полом Коннертоном. В работе анализируется трактовка социальной амнезии как структурного и функционального компонента современного общества, выявляется функциональное предназначение инкорпорирующих и инскрибирующих практик в социальной памяти, рассматривается таксономия типов забывания. В работе подчеркивается идейная связь концепции социальной памяти Пола Коннертона с научными работами профессорско-преподавательского состава ГУО «Республиканский институт высшей школы» по актуальным проблемам развития современного социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: Пол Коннертон; социальное время; социальная память; социальная амнезия; современное общество.

This article examines the concept of social memory developed by contemporary English social anthropologist and philosopher Paul Connerton. Specifically, the paper explores the interpretation of social amnesia as a structural and functional component of modern society, explains the purpose of incorporating and encoding practices into social memory, and examines types of «forgetting». The paper emphasizes the ideological connection between Paul Connerton's concept of social memory and the research conducted by the faculty at the «Republican Institute of Higher Education» concerning the development of modern social and humanitarian knowledge.

Keywords: Paul Connerton; social time; social memory; social amnesia; modern society.

В истории мировой социально-гуманитарной мысли почетное место занимает выдающийся английский социальный антрополог и философ Пол Коннертон (1940–2019), который внес значительный вклад в теоретическую разработку проблематики социальной памяти, социального времени и социальной амнезии как факторов исторического процесса и социокультурных детерминант политогенеза. В течение всей своей профессиональной карьеры, которая развивалась вопреки тяжелому заболеванию и инвалидности ученого, он исследовал взаимосвязь и взаимодействие когнитивных и некогнитивных процессов, как конституирующих знания и социальные практики, так и сохраняющих, воспроизводящих и уничтожающих в социальной памяти

образы прошлого. Результаты этого оригинального теоретического исследования представлены в знаменитой трилогии профессора кафедры социальной антропологии Кембриджского университета, которая создавалась им в достаточно сложных условиях на протяжении тридцати лет.

Свое исследовательское внимание к проблематике социальной памяти в целом и социальной амнезии в частности сам П. Коннертон объяснял тем, что данный феномен оказывает противоречивое и пролонгированное воздействие на развитие современного общества в силу следующих основных причин [1].

Во-первых, сильнейшей исторической травмой для всего человечества является как Вторая мировая война, жертвами которой стали более 50 млн человек, так и ее долговременные разрушительные социально-экономические и культурные последствия. В социальной памяти человечества образы трагических событий Второй мировой войны до сих пор остаются источниками порождения напряжения в общественно-политической жизни, а расхождения в интерпретациях и оценках этих событий порождают реальные политические конфликты и расколы в обществе.

Во-вторых, социальная память является фактором политического процесса, а апелляция к ней необходима для обеспечения конструктивных параметров демократического транзита, о чем свидетельствует новейшая история Аргентины, Чили, Сальвадора, ЮАР и ряда других стран. С точки зрения П. Коннертона, необходимо временное блокирование коллективных травматических воспоминаний, как легитимизирующих конструирование образа врага, так и актуализирующих виктимизацию или самовиктимизацию определенных сообществ и групп, что позволяет им на этом основании публично артикулировать несправедливость сложившегося социального порядка и требовать его пересмотра по моральным причинам. Определенное табуирование их публичного обсуждения и оценки блокирует реализацию принципа коллективной вины, атрибутируемой определенным профессиональным или этническим группам за совершенные в прошлом политико-идеологически мотивированные преступления.

В-третьих, следствием рассматриваемого в широком смысле процесса деколонизации, проблематизирующего сохранение нормативно-ценностного и институционального основания бывшего имперского проекта, является аффективная ностальгия по его культурным формам. С одной стороны, она создает предпосылки для таких форм культурного потребления, которые ревитализируют если не архаичные социальные практики, то их культурные формы. С другой стороны, ностальгия может стать основанием для конструирования и проведения мифологизированной политики памяти, которая в условиях медиатизации, доминирования массовой культуры и современных технологических возможностей, по мнению С. Бойм, может быть взрывоопасной и деструктивной для общества [2].

В своей книге «Как общества помнят» (1989) П. Коннертон впервые обращается к проблематике социальной памяти, в ней он рассматривает

структуры и содержание данного феномена, а также публичные поминальные церемонии как коммеморативный механизм, специфичными компонентами которого являются телесные практики и техники тела [3]. Следует подчеркнуть, что в данном случае он следует западной интеллектуальной традиции (М. Мосс, А. Леруа-Гуран, Г. Бейтсон, М. Дуглас, Н. Кроссли и др.), рассматривающей тело человека как продукт социокультурного конструирования и особый модус, период социального существования которого радикально выходит за биологические рамки и физиологические ограничения. Однако такая исследовательская оптика позволяет ему детально охарактеризовать социокультурный процесс, в контексте сохранения сложившегося социального порядка и властных иерархий, обеспечивающий сохранение знаний и образов прошлого, их передачу от поколения к поколению и эффективную интериоризацию индивидами как основания для коллективной идентичности.

В своей работе английский исследователь выделяет две формы социальных практик, связанных между собой генетически и функционально – инкорпорирующие и инскрибирующие практики. Инкорпорирующие практики представляют собой рутинизированные и подсознательные телесные привычки и техники тела, которые являются продуктом культурогенеза и проявляются в одежде, привычках, культурных традициях и обрядах, религиозных ритуалах, поведенческих действиях, трудовых навыках и др. Так, одежда и практики одевания представляют собой опосредованные и реифицированные знаки, сохраняющие символические иерархии как необходимые условия для жизнеспособности социальной памяти [3, р. 33]. В свою очередь, инскрибирующие практики представляет собой действия, направленные на фиксирование, сохранение и передачу информации с помощью физических средств (так, материалы археологических раскопок в виде различных артефактов зачастую являются примером реализации подобных практик в прошлом). Соответственно, коллективные инкорпорирующие и инскрибирующие практики, которые находятся между собой в многоплановых отношениях и зависят от культурного контекста, вносят вклад в индивидуальную, коммуникативную и культурную память человечества.

Социальная память конституирует когнитивные рамки, эксплицитно определяющие отношение к прошлому, представленному в формате определенных поведенческих паттернов, образов и знаний о прошлом, но имплицитно легитимизирующие существующий общественный порядок и культурный опыт. При этом П. Коннертон подчеркивает невозможность эпистемологически отделить наше настоящее от нашего прошлого в силу того, что «факторы прошлого имеют тенденцию влиять или исказить наш опыт настоящего» [3, р. 3]. Социальная память имеет перформативную природу, поэтому образы прошлого и вспоминаемые знания о прошлом передаются и поддерживаются посредством как публичных, так и частных ритуалов коммеморации и мемориализации. Подобные поминальные церемонии

представляют собой ритуализированное воспроизведение определенного вида деятельности и действий в предписанных местах, которые в символической и метафорической форме репрезентируют функционально значимые для сообщества культурные метанарративы. Регулярность и автоматизированность воспроизводства ритуалов и обрядов, чаще всего приуроченных к важным для всего общества историческим или символическим датам, актуализируют их постоянную и неразрывную связь с прошлым. Более того, практическая неизменность окружающего пространства традиционного общества делало возможным появление мнемотехники, опирающуюся на систему пространственных локусов и вписанную в нее моторику человеческого тела.

Однако восприятие настоящего в значительной степени зависит от знаний о прошлом и его оценок, которые устанавливают причинно-следственную связь актуальных событий настоящего с прошлыми событиями, историческими персонажами и артефактами. По мнению П. Коннертона, социальная память задает смысловой контекст, который структурирует и схематизирует познавательные процедуры индивида, гарантирует получение соответствующих результатов, органично встраиваемых в коллективную картину мира. Соответственно, нарушение механизма воспроизводства и освоения новыми поколениями инкорпорирующих и инскрибирующих практик продуцирует в обществе социальную амнезию. Данный феномен представляет собой как социокультурное явление, так и процесс, которые обычно являются уделом находящегося в серьезном социальном кризисе общества. Социальная амнезия выражается в резком снижении роли прошлого в формировании и поддержании коллективной идентичности, в виктимизации исторических деятелей, в минимизации влияния конвенциональной картины исторического прошлого на оценивание актуальных социальных событий и выработку проектов долговременного общественного развития.

В данном случае особый интерес представляет оценка эвристического потенциала концепта «социальная амнезия», которую П. Коннертон раскрывает в небольшой работе, посвященной таксономии типов забывания, оказывающим разное социальное влияние на институты и структуры современного общества [4]. В данной работе он выделил следующие типы социального забывания, базирующиеся на разных нормативно-ценностных основаниях, имеющих разных агентов и выполняющих собственные социальные функции:

- репрессивное забывание – институционально оформленное и нормативно легитимизированное физическое или символическое уничтожение памяти об исторических деятелях или периодах национальной истории, рассматриваемых в качестве идеологического врага в актуальных политических условиях (в наиболее жестокой форме проявляется в условиях тоталитарных режимов, для которых непротиворечивая линейная картина исторического прошлого является необходимым компонентом бескон-

фликтной политической социализации и идеологической индоктринации индивидов);

- прескриптивное забывание – практика публичного забвения исторических трагедий, политических и международных конфликтов с целью преодоления политико-идеологического раскола в обществе, нормализации общественно-политической обстановки и установления общественного консенсуса по поводу вектора долговременного развития страны;

- конституитивное забывание – практика формирования новой коллективной идентичности посредством конституирования новой картины прошлого, формируемой за счет селективного отбора исторических фактов, релевантных новым социально-экономическим и институциональным условиям, а также создания на этой основе новых поведенческих паттернов и ролевых моделей поведения;

- структурная амнезия – возникающий в результате дефицита информации тип забывания, при котором на периферию социальной памяти вытесняются малозначимые с точки зрения конституирования коллективной идентичности для общества или отдельных групп события, а социально значимая информация формирует общую картину мира;

- аннулирование – тип забывания, возникающий в результате переизбытка информации в современном обществе, когда продукты информационной деятельности медиа, институтов социализации, управленческих структур, корпораций, отдельных индивидов с целью хранения аккумулируются в учреждениях, обеспечивающих сохранение социальной памяти (государственные архивы, библиотеки, музеи, базы данных и т. д.), а в реальности из-за ненужности выводятся из культурного оборота;

- запланированное устаревание – тип социального забывания, встроенный в жизненный цикл товара в качестве финального ограничителя его практического использования вследствие морального устаревания или физического разрушения, обеспечивающий бесперебойное производство механизма массового потребления как важнейшего компонента функционирования рынка;

- униженное молчание – морально и политически мотивированное забвение, основанное на признании коллективной вины за военные или иные преступления в прошлом, воплощающееся в широко распространенной, но не артикулируемой модели поведения в гражданском обществе.

В своей следующей книге «Как современность забывает» (2009) П. Коннертон обращается к трансформации социальной памяти в современном обществе, которое является продуктом глобализации и характеризуется ростом инноваций, разрушением политических и экономических барьеров, размыванием социальных иерархий, расширением жизненных возможностей для самореализации индивида [5]. Для него современность характеризуется определенным парадоксом: социокультурная динамика и интенсификация ритма социальной жизни ведут к постепенному разрушению институтов воспроизводства социальной

памяти, продукты которой разрушаются метафорически или физически, при одновременном росте спроса на потребление определенных услуг и товаров, актуализирующих хронологическую структурированность социальной жизни (например, ностальгический туризм, ретро мода и пр.). П. Коннертон рассматривает современное общество сквозь призму коллективной амнезии, вызванной интерференцией социальной динамики и экономической практики, характеризующихся интенсивными темпами и тотальным влиянием на мир культуры. Он утверждает, что «мощный источник современной культурной амнезии [...] связан с природой и историей жизни материальных объектов, которыми люди обычно окружены» [5, p. 122]. Если в традиционном обществе незыблемость и устойчивость институтов, социальных практик и материальной культуры характеризовали условия жизнедеятельности человека, то в современном обществе «мы наблюдаем рождение и смерть объектов, тогда как во всех предыдущих цивилизациях именно объект и памятник переживали поколения» [5, p. 122].

В пространственном плане представленная странами Северной Америки и Западной Европы «забывчивая современность», являющаяся продуктом политической и экономической абсолютизации принципов и практик консьюмеризма, постоянно изменяет окружающий мир, делает природу объектом потребления и встраивает исторический ландшафт в постоянно меняющуюся ткань мегаполиса. Для жизнедеятельности человека она создает урбанизированную среду, в которой функциональность и утилитарность архитектуры доминирует над эстетическими характеристиками городских зданий. В результате дом из онтологической опоры социального мира, символизирующий неразрывную связь поколений и прочность культурной традиции в обществе, что нашло свое выражение в метафорических выражениях языка (отчий дом, родные стены, тепло родного очага, теплый свет родительских окон и т. д.), превращается в общежитие, т. е. банальное место временного пребывания социально атомизированных индивидов.

Подобное бесформенное пространство современного мегаполиса, состоящее из недолговечных зданий и постоянно меняющейся структуры улиц и площадей, перестает структурировать социальную память сообщества. Это делает проблематичным в качестве системы мнемонических координат образов реальных или воображаемых мест, постепенно утрачивающих свою визуальную определенность и символическую устойчивость. Как сознательное (в силу политических или экономических причин), так и стихийное (из-за природных или техногенных катастроф) разрушение городской топонимики существенно осложняет функционирование коммеморативного механизма, в котором мемориалы и локусы становится проблематичным как соотнести с определенными культурными кодами, так и связать с конкретными историческими фактами и событиями. Более того, современный мегаполис создает предпосылки для разрушения локальности как пространства, находящегося между социумом и индиви-

дом, которое делает возможным и жизнеспособным коллективную идентичность, социальное доверие, общественную солидарность и личностную автономию.

В социокультурном аспекте современное общество конституирует различные типы социальной организации времени:

- темпоральности труда (стандартизированный и автоматизированный процесс производства, который элиминирует его человеческое измерение);
- профессиональной карьеры (определяет параметры социальных достижений индивида и критерии их оценки);
- производства информации (процесс порождения и трансляции избыточного объема смыслов, определяющих ценность событий, процессов и вещей);
- потребления (конституировано товарным обменом как формой реификации, благодаря чему символическое значение вещи становится важнее ее реальных потребительских свойств).

Все эти типы можно рассматривать как эпифеномен коммодификации, объединяемые нацеленностью на актуализацию забвения, выступающего в качестве базового принципа их функционирования и позволяющего за счет разрушения прежнего (вещей, идей, товаров и т. д.) продуцировать нечто новое (материальные предметы и нематериальные продукты), создающее временный и достаточно примитивный в смысловом и ценностном плане коммуникативный контекст. В целом П. Коннертон считает, что «наш мир является гипермнезическим во многих своих культурных проявлениях [чрезмерное запоминание] и постмнезическим [чрезмерное забывание] в структурах политической экономии» [5, p. 146].

Последняя книга П. Коннертона «Дух скорби: история, память и тело» (2011) показывает, что исторически социальная амнезия является как неизбежным, так и необходимым условием для формирования идентичности и поиска направления дальнейшего движения человечества вперед [6]. Ценностно нагруженное название, вызывающее определенные коннотации, обусловлено рассмотрением в данной работе социальной и культурной памяти сквозь призму травматических событий (геноцид, коллективное насилие, пытки), публичное табуирование которых формирует специфическое коммеморативное пространство. Как объясняет П. Коннертон, в обществе вопреки институционализированным, каноническим и легитимирующим метанарративам, всегда есть локальные повествования с собственными рассказчиками, не претендующими на истину, но передающими лично значимые версии и оценки масштабных исторических процессов и событий. Однако основное внимание он уделяет социальной амнезии, которую современное общество структурно и функционально включает в себя в качестве базового компонента. Она выступает как особое пространство, обеспечивающее коллективное забывание, так как консьюмеризированной социальной системе необходимо постоянно производить потребителей, которые будут автоматически продолжать потреблять все новые блага.

Следует отметить, что в дальнейшем эти идеи П. Коннертона радикально интерпретировал Дэвид Рифф, который на примере балканских стран рассматривает императивную политику памяти в качестве инструмента радикализации общественно-политических отношений и интенсификация коллективного насилия в разделенном обществе [7]. Морализированная глорификация погибших в гражданских войнах, мемориализация трагических событий и культ ретроспективного насилия не только конституируют определенную коллективную идентичность и интегрируют общество на основе общей морали и общего врага. Обратной стороной медали является практика манипулирования элитами коллективной памятью для мобилизации общества по политическим или идеологическим причинам [7, p. 112]. Д. Рифф считает, что мифологизированные версии исторического процесса, культивирующие культурные травмы и исторические обиды, не только препятствуют примирению, но и мешают достижению справедливости в де-факто разделенном обществе. Поэтому он утверждает, что «в то время как забвение порождает несправедливость по отношению к прошлому, воспоминание порождает несправедливость по отношению к настоящему» [7, p. 121]. Однако такая позиция вовсе не означает необходимости сокрытия преступлений против человечества, а лишь постулирует принципиальное интеллектуальное несовершенство и имплицитный антигуманизм политики памяти.

Таким образом, концепция социальной амнезии П. Коннертона показывает функциональное предназначение забывания в жизнедеятельности человека, эксплицирует социокультурные механизмы политики памяти, артикулирует порождаемые коммеморативными практиками проблемы общественного развития. Как представляется, разработанная исследователем таксономия типов социальной амнезии обладает определенным эвристическим потенциалом и может быть применима для исследования «войн памяти», характерных для общественно-политической реальности ряда постсоветских стран, а также для исследований социокультурной детерминации политогенеза.

Следует подчеркнуть, что в определенной мере основные методологические принципы и идеи П. Коннертона в имплицитном виде нашли свое отражение в научных работах профессорско-преподавательского состава ГУО «Республиканский институт высшей школы», посвященных проблематике конституирования модели патриотического воспитания молодежи и реализации в образовательной практике ее основных компонентов, специфике процессов национального политогенеза в контексте межконфессиональных отношений на белорусских землях, теоретического обоснования проекта по созданию Института национальной памяти в Беларуси и других актуальных проблем современного социогуманитарного знания.

Список использованных источников

1. Historical Amnesias: an Interview with Paul Connerton / Cabinet [Electronic resource] // Mode of access: https://www.cabinetmagazine.org/issues/42/kastner_najafi_connerton.php. – Date of access: 15.01.2023.
2. *Boym, S.* Nostalgia and Its Discontents / Svetlana Boym // The Hedgehog Review. – 2007. – Volume 9, № 2. – Mode of access: <https://hedgehogreview.com/issues/the-uses-of-the-past/articles/nostalgia-and-its-discontents>. – Date of access: 01.02.2023.
3. *Connerton, P.* How Societies Remember / Paul Connerton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 121 p.
4. *Connerton, P.* Seven types of forgetting / Paul Connerton // Memory Studies. – 2008. – № 1. – P. 59–71. – Mode of access: <https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/classes/201/articles/08Connerton7TypesForgetting.pdf>. – Date of access: 23.01.2023.
5. *Connerton, P.* How Modernity Forgets / Paul Connerton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 149 p.
6. *Connerton, P.* The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body / Paul Connerton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 192 p.
7. *Rieff, D.* In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies / David Rieff. – Yale: Yale University Press, 2016. – 160 p.

(Дата подачи: 06.02.2023 г.)

Айдын Озджан

Белорусский государственный университет, Минск

Aydın Özcan

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+291.1

КОНЦЕПТ «ИСЛАМСКИЙ МОДЕРНИЗМ» КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

THE CONCEPT OF «ISLAMIC MODERNISM» AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

В статье анализируются основные направления философского дискурса, осмысляющего противоречивость концепта «исламский модернизм»: во-первых, его двойственность, под которой подразумевается как направленность на новое, положительность трансформаций, так и стремление сохранить неприкосновенность исламской традиции; во-вторых, вопрос о правомерности каких-либо нововведений в культурную и религиозно-философскую традицию ислама; в-третьих, стремление среди исламских интеллектуалов обосновать методологическую значимость данного понятия и раскрыть адаптивную роль исламского модернизма как движения к современным трансформационным процессам.

Ключевые слова: исламский модернизм; возрождение; нововведение (Бида) и суеверие (Хураф); Коран и Сунна; панисламизм; иджтихад; суфизм.

The article analyzes the main directions of philosophical discourse, which comprehends the contradictory nature of the term «Islamic modernism»: firstly, its duality, which implies both